

Поводясь сдержанно, как гласит пословица: съел чужое — заплатишься ртом, взял чужое — заплатишься рукой. Вероятно, поддавшись на подкуп в виде одной-единственной конфетки, весь остаток полудня Инь Бай была готова не обращать внимания на доносившийся из соседнего двора шум и гам.

Но дети шумели невыносимо, словно целая стайка щебечущих птиц, которые никак не могут утомиться. Даже сквозь толстую стену этот гам и возня действовали Инь Бай на нервы, вызывая головную боль.

Не в силах больше терпеть, она прихватила книгу и послеобеденный чай и поднялась на просторный балкон второго этажа — погреться на солнышке. Несмотря на разделяющее их расстояние, детский смех пробивался сквозь все преграды и долетал до слуха Инь Бай.

Эти радостные звуки казались гостями из какого-то другого мира и поневоле приковывали к себе внимание.

Инь Бай опустилась на качели на балконе второго этажа, отложила книгу и повернула голову в сторону, откуда доносился детский смех. Ее взгляд скользнул сквозь буйство ярких цветов, пробился сквозь покачивающиеся тени деревьев и забор, увитый ползучими растениями, и упал на соседний участок.

В отличие от ее собственного сада, ухоженного и изысканного, двор по соседству представлял собой открытую лужайку, где был обустроен небольшой мини-стадион для футбола. Прямо сейчас двое ребятишек с бадминтонными ракетками в руках увлеченно носились туда-сюда, пытаясь поймать покачивающийся в воздухе воланчик.

Наблюдая за мелькающими вдали детскими фигурами, Инь Бай погрузилась в задумчивость.

Почему эти двое вечно играют сами по себе? Неужели никто больше с ними не возится? Или домашняя помощница куда-то отлучилась? Неужели все взрослые ушли?

Впрочем, люди, способные позволить себе недвижимое в таком месте, наверняка нанимают прислугу с проживанием. Разве эти помощницы совсем не следят за детьми?

Пока Инь Бай предавалась праздным мыслям, ей внезапно вспомнилось, что в ее собственном доме тоже царит холод и запустение — кроме приходящей раз в неделю по графику уборщицы, здесь не бывает ни души.

Если подумать, нет ничего удивительного в том, что у соседей из товарищей по играм есть только эти двое малышей.

Немного отвлекшись и поразмыслив над этим, Инь Бай отложила сборник стихов, перевела взгляд на лежавшего рядом Маленького принца, немного поколебалась, а затем взяла книгу в

руки и раскрыла ее.

В тот год, когда мне исполнилось шесть лет, мне попалась книга, описывающая первобытные леса...

Среди всех прочитанных книг Маленький принц оставался ее самым большим фаворитом. Настроение ли было хорошим или, напротив, скверным, ей неизменно хотелось открыть эту книгу и полистать ее страницы.

Хотя она помнила текст наизусть и даже могла без запинки воспроизвести французский оригинал, каждое прикосновение к этой книге неизменно вызывало в ее душе трепетную радость.

Шум с улицы постепенно стихал, и даже ласковый весенний ветерок унялся, словно замедлив шаг. Теплые лучи солнца пробивались сквозь массивный стеклянный купол, скользили сквозь густые заросли плюща и ложились на качели.

Свернувшись калачиком на качелях, залитая мелкими брызгами солнечного света, Инь Бай перевернула еще одну страницу: Она наконец сказала Маленькому принцу:

Прощай... Пожалуйста, будь счастлива. Я потратила столько времени впустую, была столь глупа лишь для того, чтобы скрыть все свои чувства. А теперь ты уходишь, и я прошу у тебя прощения.

Я должна была сказать тебе это гораздо раньше, ведь все это время я так сильно любила тебя.

Уходи же, уходи... Ступай прямо сейчас...

Без тебя я тоже смогу вынести этот ветер и холодную ночь.

Без тебя я смогу обманывать себя вместе с гусеницами и бабочками, воображая, что у меня нет никаких забот...

Не тани больше, прощай.

Инь Бай опустила взгляд на иллюстрацию в книге: Маленький принц прижимал к груди стеклянный колпак, прощаясь с единственной розой на своей планете: Прощай... Пожалуйста, будь счастлива.

Она протянула руку и коснулась четырех шипов нарисованной маленькой розы, горько усмехнувшись: Какое еще прощай... Твой маленький принц отправился скитаться по свету, и она уже никогда не вернется.

У тебя ведь всего четыре шипа, но ты воображала, что сможешь защитить себя, и даже хвасталась, что не боишься ни свирепых тигров, ни лам. Зачем ты вообще строила из себя сильную? Ты же... ты же жить без нее не можешь, почему ты позволила ей уйти?

Инь Бай глубоко вздохнула, подняла руку и накрыла лицо книгой, сдерживая подступающие слезы, и обиженно произнесла: Ты ведь... ты ведь была приручена ею, так почему же ты смогла так спокойно сказать прощай?

Сяо Нянь, ты ведь уже приручила меня, почему же ты решила бросить меня?

Инь Бай закрыла глаза, но перед внутренним взором вопреки ее воле встала картина восьмилетней давности, когда она впервые увидела Сяо Нянь в театре. То было первое июня, День защиты детей; она сидела с билетом в руках посреди зала, заполненного взрослыми и детьми, и завороченно смотрела на сцену, где чарующая маленькая роза в зеленом платье и с рыжими волосами так тяжело и горько прощалась со своим маленьким принцем.

В полумраке зала Инь Бай слышала лишь собственный сбивчивый стук сердца. В тот момент, глядя на женщину с полными слез глазами, яркую и прекрасную, словно живой цветок, она почувствовала себя тем самым Маленьким принцем из сказки, который отыскал свою единственную, неповторимую розу на всю жизнь.

Сяо Нянь была единственным ярким пятном в ее серой, унылой жизни.

Но она ошибалась. Глубоко, чудовищно ошибалась.

Она думала, что будет вечно оберегать свою розу, защищая ее от любых невзгод. И ей никогда даже в голову не приходило, что Сяо Нянь с самого начала вовсе не была той самой кроткой розой, которую можно приручить.

На самом деле Маленьким принцем была Сяо Нянь, а вот она, Инь Бай, и представляла собой ту самую капризную, колючую розу с четырьмя шипами, которая топорщила лепестки и строила из себя недотрогу.

Поэтому в конце концов, совсем как в сказке, ее маленький принц оставил ее одну.

При этой мысли в голове Инь Бай помимо ее воли вновь всплыло воспоминание о той ночи, когда Лу Цин и Сяо Нянь плакали, обнимая друг друга, и на сердце невольно заскреблось горькое раскаяние.

Раз уж ты никогда не любила меня, зачем было относиться ко мне так хорошо?

Раз уж ты приручила меня, почему ты все-таки ушла?

Она снова погрузилась в пучину мрачных мыслей. Свернувшись клубочком под лучами солнца, Инь Бай испытывала глухое отчаяние. Она никогда не принадлежала к числу людей, склонных жалеть о собственных решениях, но в делах сердечных ей еще ни разу не удавалось поступить правильно, оттого и горечь сожалений оказалась куда сильнее.

В этот момент телефон, лежавший на столике, настойчиво и беззвучно зазвонил.

Эта мелодия действовала на нервы — куда сильнее, чем детские крики. Инь Бай сбросила книгу с лица, нащупала рукой телефон, приподняла его и взглянула на экран: вызов шел по видеосвязи от ворот.

Ну конечно, судя по всему, эти двое детей снова решили заявиться к ней.

Инь Бай приняла вызов, и перед ней действительно предстали те самые сорванцы. Возможно, дело было в той самой конфетке, но на этот раз они выглядели куда смелее: Фея-сестрица, фея-сестрица! Наш воланчик снова упал к вам во двор, вы не могли бы открыть нам калитку?

Настроение у Инь Бай было отвратительным, но она через силу выдавила из себя: Калитку я вам открыла, заходите.

Спасибо, фея-сестрица!

Радостно пропищала Тунтун. Спустя мгновение Инь Бай завершила вызов, отворила ворота ипустила детей на территорию.

Держась за руки и весело переговариваясь, малышки вошли во двор. Стоя на балконе второго этажа, Инь Бай наблюдала за тем, как детишки нырнули в заросли ярких роз, словно две шустрые рыбешки, и принялись кружить по двору.

Только вот эти рыбешки шумели чересчур громко. Понаблюдав, как они безуспешно обыскивают каждый уголок в поисках пропажи, Инь Бай поняла, что больше не в силах выносить этот гам, и, опираясь на трость, спустилась вниз, решив помочь им с поиском.

Стоило Инь Бай приблизиться к выходу в сад, как она нос к носу столкнулась с выбегавшими оттуда детьми с мячом в руках.

Их взгляды встретились. Инь Бай опустила глаза на воланчик в руке Тунтун, а Тунтун и Вэньвэнь подняли головы и уставились на ее трость.

Заметив в руках Инь Бай палочку, малышки удивленно ахнули: Ой, фея-сестрица, вы поранили ногу? Тунтун отлично помнила, что совсем недавно ее бабушка тоже ходила с тростью из-за травмы.

Инь Бай на мгновение замерла, и большая часть ее раздражения мгновенно испарилась, сменившись неловким кивком: Угу.

Тунтун закусила губу и сочувственно посмотрела на ее правую ногу: И фее-сестрице все еще больно?

Инь Бай никак не ожидала, что спустя столько лет после травмы кто-то вдруг поинтересуется, испытывает ли она боль. Смущенно поджав губы, она ответила: Уже давно не болит.

Несмотря на ее слова, Тунтун продолжала смотреть на ее ногу с явным беспокойством. В этот момент заботливое выражение лица девочки почему-то напомнило Инь Бай Цзо Цзинью.

Впрочем, Инь Бай вовсе не волновало, была ли эта девочка ребенком Цзо Цзинью. Поднеся руку к губам, она слегка кашлянула: Кстати говоря, разве у вас дома нет крытого спортзала? С чего это вам приспичило целыми днями играть на улице?

Тунтун задрала голову и улыбнулась ей: Есть, но сегодня такая прекрасная погода, и нам с сестричкой Вэньвэнь нравится играть на свежем воздухе.

Вэньвэнь, стоявшая рядом с Тунтун, тоже немного осмелела и, кивнув своей маленькой головкой, подтвердила: Да, на улице интереснее.

Инь Бай протянула короткое оу, а затем поинтересовалась: И сколько же вы собираетесь играть? Вряд ли вы будете гонять мяч весь день напролет.

Мы закончим, как только пообедаем, — с улыбкой ответила Тунтун.

Задумчиво кивнув, Инь Бай перевела взгляд на стоявших перед ней детей и произнесла: Ладно, тогда во второй половине дня вам лучше прекратить игры. У меня послеобеденный сон, калитка будет закрыта, и открывать никому не стану.

Помолчав, она добавила уже совсем строгим тоном: К тому же с завтрашнего дня меня вообще не будет дома. Так что с этого момента вам лучше не перебрасывать мяч через забор — открывать некому, и забирать его будет не у кого.

Ее внезапно помрачневшее лицо заставило девочек растеряться. Вэньвэнь, которая и так побаивалась ее, инстинктивно шагнула назад и спряталась за спину Тунтун.

Заметив это, Инь Бай приподняла брови и чуть более сурово, чем следовало, бросила: Так что больше не смейте мне шуметь тут под окнами, понятно?

Стиснув в руке воланчик, Тунтун тоже слегка отступила и пробормотала: Понятно, мы больше

не будем вас беспокоить.

Сказав это, Тунтун вежливо попрощалась с Инь Бай: Тогда до свидания, фея-сестрица.

Инь Бай фыркнула, а девочки, схватившись за руки, бросились к выходу.

Опираясь на трость, Инь Бай смотрела вслед убегающим к железной калитке детям и в тишине уловила их обрывистые голоса — они шептались о том, какая она злая. Вэньвэнь тянула Тунтун за руку и испуганно шептала, что та тетенька какая-то странная, ходит совсем не так, как все, и вообще злюка, совсем не похожая на доброго человека.

Тунтун держалась увереннее и возражала, что это все предрассудки: фея-сестрица ведь такая красивая, говорит так приятно, просто они сами ее растревожили.

Остановившись на месте, Инь Бай еще немного послушала их болтовню, а затем зашагала с тростью обратно к своему дому.

Шум уходящей весны быстро остался позади. Опираясь на трость и повернувшись спиной к яркому солнцу, она вошла в прохладные сумерки собственного особняка. Снова укрывшись в тени, Инь Бай подумала о том, что уже завтра покинет это полное скорби место, отыщет домик у самого моря, утопающий в весенних цветах, и проведет там несколько спокойных и безмятежных дней.

В конце концов... одиночество не было ей внове.

<http://bllate.org/book/25697/3069801>